

Павел Каликин

МИНЬКА

Наш Минька

Есть у меня друг, Он настоящий пограничник, хотя идет ему всего-навсего седьмой год.

Вы улыбаетесь? Напрасно. Ведь вы ни разу не слышали, с какой гордостью произносит он слова: «Есть выступить на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!» Вам не доводилось видеть, с какой уверенностью шагает он по дозорной тропе. Ведь вы совсем не знаете нашего Миньку. Я расскажу вам о нем.

Наш Минька... Разве можно не любить его? Вы только гляньте: какая выправка, какой бравый вид!

— Весь в отца пошел, — говорит улыбаясь мама.

— Вылитый капитан Савельев, — подтверждает старшина заставы прапорщик Митрич. — Только ростом маловат, но это не беда: подрастет — тоже будет заставой командовать.

— И не только заставой,.. — вступает в разговор замполит дядя Сережа. — Может быть наш Минька генералом станет, всеми пограничными войсками командовать будет. Хочешь быть генералом, Минька?

А Минька молчит. Он внимательно смотрит на дядю Сережу, на маму, на прапорщика Митрича и вдруг спрашивает:

— А у генерала есть автомат?

— На счет автомата не знаю, — отвечает прапорщик Митрич, — но пистолет есть. Это точно.

— А собака у генерала есть?

— Собака? — Митрич озадаченно сдвигает на затылок фуражку. — Собака тоже наверное есть.

Минька доволен. Оказывается быть генералом тоже не плохо.

— И в наряды на границу он ходит каждый день? — запрокинув голову, задает он последний, самый важный вопрос.

— Ну что ты, — произносит старшина. — Генералы в наряды не ходят. Разве что иногда... Зато у генерала есть большой кабинет, а в нем — огромная карта, на которой каждая застава значком обозначена. А еще на заставе много телефонов. Снимает генерал трубку и говорит: «Соедините меня с начальником заставы «Красный лог» капитаном Савельевым...» Ну как, Минька, хочешь быть генералом?

— Не знаю, — отвечает Минька и для большей убедительности пожимает плечами.

В самом деле. Сидеть в большом кабинете возле огромной карты и разговаривать с папой по телефону — это, наверное, очень интересно, но.... Шагать по дозорной тропе с розыскной собакой, сжимать в руках настоящий автомат, внимательно осматривать контрольно-следовую полосу или направлять в ночную темноту луч прожектора — это тоже очень интересно.

— Кем же ты хочешь быть, Минька? — допытывается дядя Сережа.

– Вожатым... или прожектористом, – говорит Минька и, немного подумав, добавляет: – Солдатом.

Папина фуражка

— **О** солдате судят по его внешнему виду, – любит повторять прапорщик Митрич. – Хороший солдат всегда чисто выбрит, подтянут и опрятен.

Минька старается быть хорошим солдатом. Правда, бриться ему пока не приходится, но за формой своей он следит аккуратно: сам пришивает подворотничок, сам гладит куртку и брюки, сам чистит сапоги.

Одна беда: сапоги у Миньки резиновые. Как ни старайся, сколько ни работай суконкой и щеткой, – они блестят совсем не так, как солдатские. Но ничего, вернется из отпуска прапорщик Митрич и привезет Миньке настоящие хромовые сапоги двадцать первого размера.

А пока Минька старательно смахивает пыль с резиновых сапожек, подтягивает ремень блестящей медной пряжкой, поправляет фуражку и придирчиво осматривает себя в зеркало. Все как будто нормально, только фуражка снова съехала набок. Как ни старался прапорщик Митрич, Миньке она великовата.

Когда-то в этой фуражке ходил на службу папа, а сегодня, заступая в наряд, ее надел Минька. Вот он, вытянувшись в струнку, стоит в комнате службы, не отрывая глаз, смотрит на папиного заместителя дядю Мережу, старательно запоминает каждое слово приказа.

Рядом с Минькой по стойке «смирно» стоит дежурный по заставе сержант Кайрат Бекпаев и рядовой Ибрагим Карбузов. Ибрагим тоже заступает в наряд. Получив приказ, он поднимется на вышку, которая стоит возле самой заставы, и будет наблюдать за всем, что происходит вокруг. С вышки видно очень далеко. Кроме того у Ибрагима есть бинокль. Он этим очень гордится и поглядывает на Миньку свысока.

– Вопросы есть? – с просил дядя Сережа, обращаясь к Ибрагиму и Миньке.

– Вопросов нет. Приказ Ясен. Есть выступить на охрану государственной границы... – чеканя каждое слово, молодцевато отвечал Ибрагим.

Минька с нетерпением ждал своей очереди и, стоило Ибрагиму замолчать, высокой вскинул подбородок.

– Есть выступить на охрану,.. – бойко начал он, но в это время папина фуражка качнулась и сползла на глаза.

Минька едва не заплакал от обиды. Он слышал как рядом, сдерживая смех, фыркнул Ибрагим; представлял, как заплясали насмешливые искорки в его глазах. Поднять бы руку и поправить фуражку, но во время приказа надо стоять по стойке «смирно», не шелохнувшись. Может быть отвечать на вопрос дяди Сережи прямо так, с фуражкой на носу? Но тогда не только Карбузов – вся застава будет смеяться над Минькой.

Вдруг фуражка приподнялась над головой и легла на свое место. Это Кайрат Бекпаев пришел на помощь и сделал вид, что ничего не случилось. Лишь иногда он искоса поглядывал на рядового Карбузова, словно хотел сказать ему: «Успокойся. Нашел время для веселья».

— Вопросы есть? — переспросил дядя Сережа.

Минька опомнился.

— Вопросов нет. Приказ ясен, — в тот же миг отчеканил он. — Есть выступить на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!

Благодарность

Узкая, извилистая тропинка, обогнув огород, упирается в подножие сопки. Убегая на крутизну, она становится еще уже, петляет из стороны в сторону, но именно с этого места ее называют не тропинкой, не тропкой, а дозорной тропой.

Беспокойный характер у дозорной тропы. Она не ищет легкого пути: то карабкается вверх по горной круче, то спускается на самое узкое ущелье, помогая пограничному наряду осмотреть те места, где может укрыться нарушитель. Кому-то может показаться, что в нагромождении скал легко спрятаться непрошенному гостю. На самом деле это не так.

Там, где горы расступаются, образуя долину, пролегла вдоль границы широкая полоса вспаханной земли. Как бы ни хитрил нарушитель преодолевая ее, на мягкой земле останутся его следы. Они расскажут опытному пограничнику: кто попытался незамеченным проникнуть на советскую землю, когда это произошло и где искать вражеского лазутчика.

Обычная полоса вспаханной земли... а какую пользу приносит она в охране границы! Потому и называют ее пограничники уважительно — контрольно-следовая полоса.

Впрочем, КСП еще можно попытаться перехитрить, но вы попробуйте обмануть сигнальную систему, прожекторную или радиолокационную станцию, другие очень чуткие и умные приборы, которые помогают пограничникам.

Когда Минька подрастет, он обязательно подружится с этими приборами и, вот увидите, они помогут ему задержать не одного нарушителя. А пока он несет службу рядом с заставой.

Ближе к концу подъема, чуть правее дозорной тропы спрятался в густом колючем кустарнике большой плоский валун. Он почти не виден со стороны. Не видно и Миньку, который удобно устроился на камне. В этом, как объяснил прапорщик Митрич, главное достоинство скрытого наблюдательного пункта.

А еще он хорош тем, что отсюда как на ладони видно всю заставу. Вот казарма, где живут солдаты. Вот строевой плац, где они учатся ходить по-военному. Вот спортивный городок, где занимаются пограничники, чтобы быть ловкими,

сильными, выносливыми. Левее спортивного городка – гараж. Здесь стоят машины, которые в несколько минут могут доставить пограничный наряд к месту нарушения границы.

Впрочем, не везде в горах можно проехать на машине. Тогда на помощь пограничникам приходят кони. Они живут в конюшне, которая расположена посреди хозяйственного двора. А рядом, ближе к огороду, построены вольеры. В них живут розыскные и сторожевые собаки, без которых на границе тоже не обойтись.

Над всей заставой возвышается наблюдательная вышка, построенная из прочных стальных балок. Если взобраться по крутой железной лестнице, попадешь в маленький домик. Он окружен небольшой площадкой с перилами. На этой площадке и стоит часовой – рядовой Ибрагим Карбузов.

Сверху он похож на маленького оловянного солдатика. Разница лишь в том, что Ибрагим не стоит на месте. Вот он приставил к глазам бинокль и что-то рассматривает. А Минька и без бинокля видит, что крошечные точки на склоне горы – это овцы, а точка побольше – это чабан на коне. Такому зрению как у Миньки каждый позавидует. Напрасно Ибрагим над ним смеется.

Впрочем, ему простительно. Рядовой Карбузов еще не служил на заставе, когда на боевом расчете сам комендант участка капитан Бережной объявил Миньке благодарность и крепко, по-мужски пожал руку.

– Вот так же бдительно должен нести службу каждый пограничник, – сказал капитан Бережной перед строем.

В тот же вечер о Минькином поступке было рассказано в боевом листке, а на следующий день ему лично позвонил начальник отряда.

– Ну, герой, рассказывай, как дело было, – прозвучал в телефонной трубке строгий раскатистый бас.

Минька растерялся: о чем тут рассказывать? Ехали в машине вместе с папой и с капитаном Бережным на соседнюю заставу. Папа о чем-то беседовал с комендантом, а Минька смотрел в окно. Потому. Наверное, он первым и заметил, как над горами появилась маленькая черная точка. Поначалу Минька решил, что это орел. Он даже удивился: какие у орла широкие крылья. Но потом...

– Папа, смотри!.. Самолет!

– Оповещение было? – спросил капитан Бережной.

– Не было, – ответил папа.

– Срочно возвращаемся на заставу!

Машина круто развернулась и помчалась в обратную сторону. Тем временем папа докладывал по радиостанции о том, что граница нарушена неопознанным самолетом.

Вот, собственно, и вся история. Впрочем, для Миньки она продолжается и сегодня. Именно после этого случая появились у него папина фуражка, настоящая солдатская форма и свой наблюдательный пункт. С тех пор считают его настоящим пограничником и прапорщик Митрич, и папа, и дядя Сережа – все на заставе, кроме рядового Ибрагима Карбузова.

Нарушители

Ибрагим не подозревал, что обидел Миньку своим насмешливым взглядом. Минут двадцать назад он облокотился на перила, да так и замер, глядя в одну точку: то ли разглядывал что-то, то ли задумался о чем?

Минька нет-нет, да и глянет на Ибрагима, и головой покачает: «Разве можно так нести службу?!» Вдруг он почувствовал что-то неладное. Быстро огляделся вокруг – ничего не заметил. Как же он сразу не догадался осмотреть огород! Еще минуту назад он был пуст, а сейчас...

Повар забыл запереть калитку, и этим воспользовались козел Кузя и поросенок Борька. «Нарушители» крадучись пробрались в огород. Цель их «прогулки» не вызывала сомнений.

Минька немедленно выбрался из своего укрытия и ринулся вниз по дозорной тропе. Он перепрыгнул через забор, быстро отрезал «нарушителям» путь к капустной рассаде и закричал. Да так громко, что Борька напрямик через грядки метнулся к калитке. Кузя на мгновение растерялся, но вскоре опомнился и ринулся следом.

Калитку, словно нарочно, прикрыло ветром. Борька суетливо, но безуспешно пытался открыть ее своим розовым пяточком. Сзади напирал Кузя. Когда Минька был совсем близко, козел не выдержал: низко наклонил голову и короткими рожками вытолкнул своего нерасторопного друга за калитку.

Минька своими действиями остался очень доволен. «Нарушители» в панике бежали, порядок на охраняемом участке восстановлен полностью. Он запер калитку и вернулся на свой наблюдательный пункт. Как-то сразу забылась недавняя обида. Сейчас его беспокоил дугой вопрос: «Что делать с Борькой?»

Кое-кто считал поросенка увальнем, но мнение это было ошибочным. До недавнего времени Борька регулярно ходил «на службу». Стоило пограничному наряду выйти за ворота заставы, как поросенок увязывался за солдатами. Иногда он поворачивал назад, а чаще так и продолжал трусцой следовать за нарядом.

За усердие в службе Минька уважал Борьку. А еще он уважал его за то, что поросенок водил дружбу с конем Буяном. Долгое время они были неразлучны, даже спали и ели рядом. Минька так и не заметил, когда же успел Борька подружиться с Кузей. У такого друга хорошему не научишься. Набег на огород подтвердил самые худшие опасения.

...По дозорной тропе зашуршали камни. Минька поднял встревожено голову. Это возвращался с проверки второй папин заместитель дядя Коля. Следом за ним едва поспевал сержант Тарас Рудько: тот самый, в отделение которого был прикомандирован Минька. Перед такой представительной проверкой нельзя сплеховать.

– Товарищ лейтенант, – не покидая своего укрытия, начал докладывать Минька.

Он уверенно произносил заученные фразы и никак не мог решить: стоит ли докладывать о проделках Кузи и Борьки. Тут Минька заметил, что в усталых,

озабоченных глазах дяди Коли нет насмешливых искорок, и поэтому скромно закончил:

— За время несения службы происшествий не случилось. Признаков нарушения границы не обнаружено.

Лишний патрон

Однажды рано утром все свободные от службы пограничники поехали на стрельбище. Папа поручил Миньке самое ответственное дело: помогать прапорщику Митричу выдавать боеприпасы. Вместе со старшиной он сидел в небольшой будке, которая называется пунктом боепитания. Солдаты по очереди подходили к окошечку и получали боеприпасы.

Патроны отсчитывал Минька. Он был внимателен и ни разу не ошибся. Только однажды, когда старшина на минуту вышел из будки, в окошечко заглянул рядовой Карбузов.

— Что-то патронов маловато, — хитро сощурился Ибрагим. — Ты не ошибся, Минька?

— Не знаю. Давай пересчитаем?

— Нет, нет... зачем же, — поспешно отказался Карбузов и понизил голос. — Может дашь патрончика три? По дружке... А я тебе эдельвейс подарю... Хочешь?

Минька и слова сказать не успел, а цветок уже лежал у него на ладони. Он был очень красив: небольшой, похожий на белую звездочку.

— Бери. Не стесняйся, — подбадривал Ибрагим. — Я себе еще достану. Сыпь патроны, пока старшина не вернулся.

— Не положено, — ответил Минька и вернул Ибрагиму цветок.

— Как знаешь. Только Митричу — ни слова!..

— Кто-нибудь приходил? — спросил еще с порога старшина.

Говорит неправду Минька не умел и рассказал обо всем без утайки.

— Правильно сделал, сынок, — похвалил Митрич. — С патронами шутки плохи.

Больше старшина ничего не сказал. Он внимательно наблюдал за тем, как стрелял рядовой Карбузов. Минька тоже смотрел на мишени и видел, что после каждого выстрела фонтанчики пыли поднимались далеко позади фанерных щитов.

— Ну зачем ему лишний патрон? — досадовал Митрич на неумелого стрелка. — Он и этим как следует распорядиться не может.

...С рубежа открытия огня рядовой Карбузов возвращался с опущенной головой.

— Что, Ибрагим, патронов не хватило? — весело крикнул кто-то из солдат.

— Минька обсчитал, — то ли в шутку, то ли всерьез ответил Ибрагим.

Пограничники дружно рассмеялись, а Минька и сам не заметил, как на глаза

навернулись слезы. Он отвернулся, и Митрич ничего не увидел бы, но в это время в окошко заглянул ефрейтор Соболев. Он выполнял упражнение вместе с Ибрагимом, меткими очередями уложил свои мишени и пришел сдать неизрасходованные боеприпасы.

– Ты чего, Минька? – спросил Василий. – Не обращай внимания.

Митрич сразу понял в чем дело.

– Рядовой Карбузов! – позвал старшина. – Ко мне!

– Товарищ прапорщик! Рядовой Карбузов по вашему приказанию прибыл, – виновато пряча глаза, доложил Ибрагим.

– Вот что, солдат. Извинись перед товарищем.

– Да я же пошутил!

– Товарищ Карбузов! – Митрич повысил голос. – Извинитесь перед рядовым Савельевым. А если к следующим занятиям вы не научитесь стрелять – лично займусь вашей подготовкой. Вы поняли меня?

– Так точно. Есть извиниться перед Минькой и научиться стрелять. Разрешите...

– Отставить... Я приказал извиниться перед рядовым Савельевым. Повторите!

Ибрагим слово в слово повторил приказание. Он попросил Миньку не обижаться на его неудачную шутку и протянул руку.

Подворотничок

Тот неприятный случай на стрельбище Ибрагим и Минька старались не вспоминать. Более того, Минька часто помогал Ибрагиму наводить порядок в конюшне, а Ибрагим рассказывал ему о повадках животных и птиц. Они почти подружились.

Однажды после обеда мама, как всегда, уложила Миньку спать и забыла вовремя разбудить. В тот день замполит проводил политзанятия, а Минька должен был помогать ему, показывать диафильм. Мама, конечно, знала об этом, но дома у нее столько дел!..

Минька проснулся от того, что услышал в прихожей папин голос:

– Где наш белоголовый?

– Спит, – шепотом ответила мама. – Не буди.

Какое там «не буди»! Минька уже вскочил с постели и быстро оделся, как по тревоге.

– Вот и мой помощник, – радостно встретил его дядя Сережа, – прошу к аппарату.

– Вот видите, рядовой Карбузов, – продолжал он, обращаясь к Ибрагиму. – Минька тоже на службе были только что поднялся после сна. Однако подворотничок у него свежий. А вы говорите: «Не успел». Пограничник все успевать должен.

Тут только Минька глянул на свой подворотничок: он был ослепительно белым,

как снег. Это заметили все. Василий Соболев одобрительно подмигнул: «Молодец!» А Минька чувствовал, как краснеют уши и щеки: поворотничок пришел не он. Наверняка это маминых рук дело. Сколько раз говорил ей, что за своей формой он будет следить сам...

Свет погас. Солдаты внимательно смотрели диафильм и слушали объяснения замполита. Минька думал о своем: «Получилось нехорошо, нечестно. Надо обязательно сказать правду и замполиту, и всем остальным...»

Закончился диафильм. Зажегся свет. Дядя Сережа объявил перерыв и вышел. Минька кинулся следом, но не догнал его.

Хорошего настроения как ни бывало. Остаток дня Миньку одолевали сомнения и тревожные предчувствия. Он едва дождался команды к построению.

Боевой расчет проходил как обычно. Папа объявил каждому время заступления на службу. Затем дополнительный расчет проводили командиры отделений. Еще две-три минуты и прозвучит команда: «Вольно! Разойдись!» Это значит, что Миньке пора идти домой.

– Рядовой Савельев! – вдруг сказал сержант Рудько.

– Я!

– Выйти из строя!

«Что бы это значило?» – думал Минька, делая два шага вперед и поворот кругом.

– При несении службы на посту наблюдения, – торжественным голосом начал сержант, – рядовой Савельев проявил высокую бдительность, инициативу и мастерство... Отделение, равняйся! Смирно! Рядовому Савельеву за бдительное несение службы по охране государственной границы объявляю благодарность.

Все отделение, да что там отделение – вся застава смотрела на Миньку. А он молчал.

– В чем дело, рядовой Савельев?

– Товарищ сержант... Нельзя объявлять мне благодарность, – краснея, объяснил Минька. – Я на политзанятия опоздал. И еще, подворотничок не я... – мама пришила.

На левом фланге кто-то приглушенно засмеялся. Конечно же, это был Ибрагим Карбузов.

– Отставить смех, – строго прикрикнул сержант Рудько. И как отрезал: – Политзанятия не в счет, подворотничок – тоже. Отделение, смирно! За бдительное несение службы по охране Государственной границы рядовому Савельеву объявляю благодарность.

– Служу Советскому Союзу! – звонко ответил Минька.

Митрич вернулся

Прапорщик Митрич вернулся из отпуска. Чуть больше месяца отсутствовал он на заставе, но каким долгим показался этот месяц Миньке. Едва ли не каждый день спрашивал он у папы, когда же приедет старшина.

И вот Митрич вернулся. Он вышел из Машины, поздоровался с папой и его заместителями, а потом подхватил Миньку на руки, поднял высоко-высоко и закружил, закружил, закружил...

— Ну как, товарищ Савельев? Замечаний не имеете? — спросил старшина, спуская Миньку на землю.

— Никак нет, товарищ прапорщик!

— на границе полный порядок?

— Так точно!

— Если уж Минька говорит: «Так точно», — улыбаясь произнес дядя Сережа, — значит граница и впрямь на замке. Верно, Минька?

Минька кивнул, и даже улыбнулся, хотя улыбаться ему совсем не хотелось. Разом вспомнились колючие искорки в глазах Ибрагима Карбузова, его насмешливый взгляд и обидные слова.

— Что это ты приуныл? — спросил Митрич, когда папа и его заместители отошли в сторону. — Ну-ка, помоги мне. Не тяжело?

Сверток, который старшина вручил Миньке, был совсем легким.

— Так ты говоришь, что на заставе порядок? — поднимая тяжелый чемодан, продолжал Митрич. — А сам ходишь, словно в воду опущенный. Что случилось? Может, обидел кто?

Что тут ответить? Кому-нибудь другому Минька не задумываясь сказал бы, что все хорошо, и никто его не обижал. Но Митрича не проведешь: он сразу почувствует в голосе фальшивую нотку, и тогда уже не рассчитывай на доверие старшины.

Оставался один выход — говорить правду. Но в том-то и дело, что Минька сам не знал: прав ли он, обижаясь на Ибрагима Карбузова, на дядю Сережу, на всех тех, что считал его маленьким.

Спору нет, обидно, когда тебе на каждом шагу дают понять, что любая твоя затея, даже самая серьезная — не более чем игра. Но если признаться честно, то и дядя Сережа, и Ибрагим — все они по своему правы. До настоящего солдата Миньке ой как далеко. И дело тут не только в папиной фуражке или игрушечном автомате.

— Товарищ прапорщик... Митрич, — робко произнес Минька, — ты в наряд пойдешь?

— А как же! Сегодня отпуск мой заканчивается, значит, завтра изволь на службу. Под утро — на проверку, а вечером — в конный дозор.

— В конный дозор?!.. Митрич, возьми меня с собой!

— А выдержишь? Путь не близкий — километров двадцать по горной тропе.

— выдержу! Еще как выдержу! На прошлой неделе я целый час учебной рысью на коне скакал и нисколечко не устал. Честное слово.

Прапорщик Митрич остановился, поставил чемодан и посмотрел на Миньку с хитрым прищуром.

– Целый час скакать учебной рысью – это не каждому по плечу, – сказал он. – Кто же тебя на коня посадил?

– Ибрагим. Он со мной конной подготовкой занимается, когда время есть.

– Значит помирились?

Вместо ответа Минька неопределенно пожал плечами.

– Это хорошо... Только в конный дозор я взять тебя не могу, – вдруг заявил старшина. – Сам рассуди. Мы вернемся на заставу только в двадцать два ноль-ноль, а ты в это время должен уже третий сон видеть. Нельзя нарушать распорядок дня.

Казалось, Миньку убедили эти доводы, но стоило старшине взяться за ручку чемодана...

– Ну, не в конный дозор, так на проверку...

– Не положено, Минька, – коротко ответил старшина. – Хочешь обижайся, хочешь нет, но... не положено.

– Ну, Митрич, пожалуйста... – жалобно протянул Минька.

– Рядовой Савельев! – чуть повысил голос старшина и тут же смягчил т он. – Что-то я не узнаю тебя, сынок. Прежде все с полуслова понимал, а теперь... Может, с Карбузова пример берешь? Так ему до настоящего солдата еще расти и расти.

– А я разве настоящий солдат? – разом оживился Минька.

Прежде чем ответить, Митрич сел на чемодан, притянул к себе Миньку и посмотрел ему прямо в глаза.

– Не знаю, сынок. Прежде знал, а теперь не знаю.

– Вот и я не знаю, – вздохнув, откровенно признался Минька. – Фуражка и форма у меня вроде бы настоящие, а сапоги резиновые... и автомат игрушечный.

Прапорщик Митрич усмехнулся в усы.

– Нашел о чем печалиться. Подрастешь, будет и у тебя боевой автомат. Это не самое главное. Зато наблюдательный пункт у тебя самый настоящий. И службу ты несешь настоящую, боевую.

– Огород охраняю, – с печальной улыбкой уточнил Минька. – Ты не утешай меня, Митрич. Я ведь и сам понимаю, что все это только игра. В наряд ты меня не берешь... Солдаты игрушечным пограничником зовут. Я слышал.

– Это кто же такое придумал? Снова Карбузов? – попытался дознаться старшина.

Минька ничего не ответил ему. Промолчал.

Игрушечный пограничник

— **А** знаешь, Минька? Это я во всем виноват, – усаживая Миньку рядом с собой, неожиданно признался Митрич. – Когда фуражку для тебя перешивал, рассказал дядя Сереже про одного мальчонку. Был он малость повыше

тебя и постарше, но мы его меж собой игрушечным пограничником звали.

– Почему?

– Как тебе сказать? Глупые были... Жил мальчонка в поселке, недалеко от заставы. Утром, чуть свет, смотришь – он уже здесь: игрушечный автомат за спиной, чья-то старая фуражка на голове.

Стоит кому из пограничников за ворота выйти, начинает его упрасивать:

– Дядя-солдат, отдай мне приказ. Ну, отдай приказ!

Отмахнешься от него раз, другой – некогда мол, – а на третий раз совестно станет. Прикажешь ему все как положено, по всей форме – он и доволен. Фуражку поправит, автомат на грудь перевесит и зашагает к поселку. На полдороге остановится, спрячется в кустах и каждого, кто ни проходит мимо, останавливает:

– Стой! Кто идет?

Забавный был парнишка. Очень ему хотелось на заставе служить, вот он и готовился... всерьез. А мы его игрушечным пограничником называли.

– И он на вас не обижался? – удивленно спросил Минька.

– Нет, сынок. Мы его так только за глаза называли, да и то недолго.

Однажды отец послал мальчонку коня домой привести: приبلудился где-то в степи. Конь, хотя и стреножен был, далеко забрел. Лишь под вечер отыскал его парнишка, в сумерках стал домой возвращаться.

В степи, далеко от поселка, встретил он незнакомого всадника.

– Эй, малец, – окликнул мужчина, – ты местный?

– Местный. – ответил малыш.

– До поселка далеко еще?

– Рядом совсем. Только вам левее надо принять. Скачите за мной, я дорогу покажу.

Поскакали они по степи. Вскоре впереди огни замаячили: слева – заставы, справа – поселка.

– Почти приехали, – направляя коня еще левее, крикнул малыш.

– А справа что за огни? – спросил незнакомец.

– Справа пограничная застава. Туда нельзя.

Поверил ему мужчине, следом поскакал, а сам все направо косится с опаской. Мальчонка вдруг коня на шаг перевел.

– Тут ручей должен быть, – говорит. – Осторожнее.

Про ручей он нарочно сказал, чтобы незнакомец ничего не заподозрил. На самом деле в том месте никакого ручья и в помине не было: каждую ночь там наши наряды службу несли. Прямо на пограничников вывел мальчонка нарушителя. Тут мы и задержали его, недалеко от заставы.

– И после этого уже не звали его игрушечным пограничником? – догадался Минька.

– После этого парнишку медалью наградили, «За отличие в охране государственной границы СССР». Игрушечных пограничников не бывает. Уразумел?

– Уразумел, – согласился Минька и добавил мечтательно. – Вот бы мне настоящего нарушителя задержать. Тогда бы и меня медалью наградили, и автомат боевой выдали.

– Медалью, говоришь, – прапорщик Митрич загадочно подмигнул. – Медалью тебя еще наградят, а пока... Дай-ка сверток.

На глазах у Миньки старшина развязал бечевку, снял бумажные обертки и...

– Получай подарок!

– Сапоги?! Настоящие!

– Нравятся?.. Сшиты по специальному заказу. Носи на здоровье, и не вешай носа... Ну, бегом домой, примеряй обнову!

Обида

Сапоги были сшиты на славу. Как весело заиграли они черным глянцем после короткого знакомства с суконкой и щеткой! Первым делом Минька решил показаться старшине, но во дворе заставы Митрича не было. Наверное он ушел домой.

Поправив ремень и фуражку, подтянув голенища сапог, Минька направился к беседке. Летом здесь всегда многолюдно. Свободные от службы пограничники собираются послушать веселые истории, которые не умолкая может рассказывать рядовой Карбузов. Вот и сегодня он уже завладел общим вниманием. Голос Ибрагима был слышен издали:

– Схватил Минька ком земли и ка-ак запустил: прямо козлу в челюсть. У Кузи даже борода отвисла. Первым Борька опомнился: так припустил, что хвост штопором завертелся. Подбежал к калитке, а она закрылась. Тычется Борька пятачком, а сделать ничего не может. Тут и Кузя подбежал: голову наклонил и рогами его, рогами... Так за калитку и вытолкал.

Солдаты добродушно рассмеялись. Улыбнулся и Минька, но когда Карбузов заговорил вновь, он насторожился.

– Поправил наш Минька фуражку, автомат игрушечный за плечо перекинул и зашагал торжественным маршем. Так вышагивает, словно десяток нарушителей отловил.

– Не правда! – задыхаясь, выкрикнул Минька. – Не так все было!

Не разбирая дороги, напрямик сквозь кусты он бросился прочь от беседки.

– Эх ты, Ибрагим. А еще земляк, – укорил его Кайрат Бекпаев и вышел.

– Парнишка доброе дело сделал, а ты его высмеял, – выходя следом, сказал Василий Соболев.

А повар Шурик Баев заметил:

– Ты же видел, что калитка открыта. Мог бы и дежурному позвонить.

Один за другим расходились пограничники. Скоро Ибрагим остался в беседке один.

– Чудаки, – сказал он самому себе. – Юмора не понимают.

Выговор

В дальнем конце конюшни, на тюках прошлогоднего сена сидел Минька. Рядом с ним уютно устроился кот Дорофеич. Он негромко мурлыкал и терся о голенище сапога, словно уговаривал: «Ну не плачь. Успокойся».

— Да я не плачу. Уже успокоился, — сказал Минька и провел ладошкой по спине Дорофеича. Тот от удовольствия даже зажмурился. «Вот и славно. Вот и хорошо», — слышалось в его мурлыканье.

— Завтра утром я проснусь очень рано, — сказал Минька коту, — и наловлю тебе свежей форели. Честное слово.

Вечером он специально лег спать пораньше. Когда проснулся, солнце уже поднялось над вершинами гор. «Проспал», — с досадой подумал Минька и начал торопливо одеваться.

— Куда ты в такую рань? — удивилась мама. — Спал бы еще. Не умрет твой Дорофеич без рыбы.

— Мама! Я же слово дал... Честное слово!

— Раз дал, значит нужно выполнять. Только прежде сам позавтракай.

— Не хочу. Я после, мам! — и Минька выскользнул за дверь.

Под крыльцом был сделан тайник. В нем хранились рыболовные снасти. Однако доставать удочку Миньке не пришлось: на траве, возле самого лаза лежал прутик, а на нем — одна, две, три — целых пять рыбешек нанизано. Вот это подарок. Надо скорее найти Дорофеича. Где же он?

— Загляни на кухню, — посоветовал Василий Соболев. — Он там с утра пропадает.

И правда, Дорофеич дремал у плиты. Забыл, что прапорщик Митрич строжайше запретил пускать его на кухню. Не жаловал старшина Дорофеича: хоть и любил, но с кухни гнал без разговоров. Случалось не раз: только пригрется Конт у плиты, а Митрич — тут как тут, с обходом.

За нарушение уставного порядка Дорофеичу не раз трепали уши и даже сажали его под арест в овощехранилище. Но привычке своей кот не изменял. На кухню его словно магнитом тянуло.

— Видишь, Дорофеич, я тебе рыбки принес, — при саживаясь на корточки, сказал Минька. Но кот его словно и не слышал. — Что с тобой, Дорофеич? Ты не заболел?

Кот даже не шелохнулся. Шурик Баев хотел что-то сказать, но тут в столовой раздался голос старшины. Дорофеича словно подменили: он открыл глаза, наострил уши и пулей вылетел из кухни. Минька побежал следом, да разве угонишься за ним!

Он стоял посреди хозяйственного двора и оглядывался по сторонам. Дорофеича здесь не было, зато из конюшни донеслось негромкое ржание, послышался топот. Дверь распахнулась, и на двор легкой рысцой выбежал конь Буян. Следом с седлом появился рядовой Карбузов.

– Здравствуй, Минька! Кого-нибудь ищешь? – приветливо крикнул Ибрагим. Минька сделал вид, что не слышит его.

– Да полно тебе обижаться. Я же не нарочно. Хочешь на Буяне покататься?

Предложение было заманчивым, но в этот миг вспомнился Миньке обидный разговор в беседке. Он отвернулся и зашагал прочь. Ибрагим смотрел ему вслед и растерянно хлопал глазами.

Потом Минька не раз вспоминало об этом и почему-то чувствовал себя виноватым. А вечером на боевом расчете папа вызвал из строя рядового Карбузова.

– У нас на заставе появились рыболовы-любители, – сказал он. Рядовой Карбузов, например, любит порыбачить на рассвете. Может, найдутся любители вечернего лова?

Строй молчал. Ибрагим глубоко вздохнул и опустил голову.

– Рядовому Карбузову, – продолжал папа, – за самовольное оставление территории заставы объявляю выговор.

– Есть выговор, – упавшим голосом ответил Ибрагим.

Возвращаясь в строй, он посмотрел на Миньку и печально улыбнулся в ответ на его растерянный взгляд.

Схватка

В субботу появился свежий выпуск сатирической стенгазеты. Солдаты окружили стенд. В коридоре сразу стало тесно и шумно: под дружный смех обсуждались рисунки, зачитывались подписи к ним. Миньке с трудом удалось пробиться вперед.

– Узнаешь героя? – подмигнул ему Василий Соболев.

– Ибрагим? – догадался Минька.

На всех рисунках был изображен рядовой Карбузов. Это он стоял на вышке и спокойно наблюдал, как нарушители собирают урожай с огорода. Это он стрелял из автомата, но не пулями, а большими кружками, которые вместо мишени попадали в бидон с молоком. Это он привязал к стволу автомата леску с крючком и ловил рыбу.

– Ну-ка, хлопцы, расступитесь, – услышал Минька за спиной голос прапорщика Митрича. – Дайте и мне полюбоваться... Вот это картина! Прямо как в журнале «Крокодил». Что скажете на это, Карбузов?

– Со вкусом нарисовано, товарищ прапорщик.

– И не обидно вам в таком виде красоваться?

– Зачем же обижаться, – насмешливые искорки сверкнули в глазах рядового Карбузова. – Каждый человек должен иметь чувство юмора. Разве не так?

– Может быть и так, – согласился Митрич, но ответ Ибрагима как будто рассердил его. – Ну как. Минька, насмотрелся? Тогда пойдем.

Они вышли из казармы.

– Как ты думаешь, Минька. Обиделся Карбузов на эти рисунки или нет?

– Не знаю...

– Вот то-то и оно... А по-моему, должен обидеться... По себе знаю, что должен.

Митрич вошел в беседку и сел на лавочку.

– Был у меня друг, – начал он, усаживая Миньку рядом с собой. – Такого раз в жизни и встретишь. После службы мы с ним на целину собирались ехать, а поссорились из-за пустяка.

Любил я посмеяться над другими, а стрелял примерно так, как Карбузов. Вот Николай и разрисовал меня в стенгазете. Ох, и обиделся я на него!

Целый месяц мы с Николаем не разговаривали. Меня обида гложет, а он – из принципа: раз ты на критику обижаешься, значит не друг. Не знаю, чем бы все это кончилось, да назначил нас начальник заставы в обин наряд. Пока дошли мы до места, ни слова не сказали. Николай был старшим: поставил мне задачу, и снова молчим.

Первым нарушителей заметил Коля и подал мне условный сигнал. Двое их было. Нас т оже двое. Силы вроде бы равные, но победит-то тот, кто лучше локоть друга чувствует.

Лежим, поджидаем, когда нарушители вплотную подойдут, чтобы в «клещи» их взять. Поравнялись они со мной и вдруг остановились. Прислушиваются. Того и гляди, в разные стороны разбегутся. Что тогда?

Вскочил я с земли, да как закричу им в спину: «Стой!» Николай тоже в рост поднялся и в лицо им крикнул: «Руки вверх!» Тот, что первым шел, сразу на землю упал, а второй на меня кинулся. Вижу – нож у него в руке. Дал очередь... и промахнулся.

Не сидеть бы мне здесь, если бы не Коля. Подскочил он к нарушителю сзади и прикладом... На землю они вместе упали.

Второй нарушитель тем временем убежать попытался, но тут уж я не промахнулся.

– Как ты там, Николай? – спрашиваю, а в ответ ни слова. – Да хватит тебе в молчанку играть!..

И снова тишина. Так и не ответил мне Коля. Успел его враг ножом полоснуть...

Еле выходили Николая врачи. С тех пор осторожней я стал с чувством юмора.

Митрич умолк. Молчал и Минька. Вспомнилась ему вдруг печальная улыбка Ибрагима.

– А ведь он обиделся на меня, – тихо сказал Минька.

– Кто обиделся?

– Ибрагим.

Митрич пригладил кончики усов и пытливым взглядом глянул на Миньку.

– Это плохо, сынок. Очень плохо. Пограничники должны быть друзьями. В нашей службе иначе нельзя.

Будем дружить

На заставе повсюду кипела работа. Солдаты мыли окна, полы и стены, белили забор, бордюры и стволы деревьев. У каждого был свой объект. У рядового Ибрагима Карбузова — один из самых трудных. Он наводил порядок в конюшне.

Стоя за дверью, Минька видел в щелочку, как Ибрагим выметал мусор из денников.

— Что ты топчешься с ноги на ногу? А ну, прими! — прикрикнул он на Буяна.

Посреди конюшни образовалась большая куча мусора. Ибрагим стал загружать мусор в ведра.

— Тут и до вечера не управишься... И в кино опоздаешь, — ворчал он.

Минька вел наблюдение из своего укрытия. Едва Ибрагим с ведрами вышел из конюшни и завернул за угол, он быстро загрузил мусором еще два ведра и снова спрятался за дверью. Громко топая сапогами, мимо пробежал Карбузов. Он с размаху опустил ведра, взялся за лопату и... замер в недоумении.

— Чудеса да и только, — произнес Ибрагим, озираясь по сторонам. Вдруг он повернулся к Буяну и низко поклонился ему. — Спасибо, друг!

Минька едва не рассмеялся, и снова, стоило Ибрагиму скрыться за углом, наполнил пустые ведра мусором.

— Ай да помощник у меня! — громко еще с порога произнес Карбузов. — Молодец, Буян. Ты настоящий друг.

Тут уж Минька не выдержал — рассмеялся. Вместе с ним захохотал и рядовой Карбузов. Даже Буян тихонько заржал в своем деннике.

— Так это ты помогал мне мусор грузить? — спросил Ибрагим, когда Минька вышел на середину конюшни.

— Конечно я. А ты как думал?

— Что тут подумаешь? Кроме Буяна в конюшне не было никого, — с серьезным видом оправдывался Карбузов.

— Как не было? Я за дверью стоял и ждал, когда ты уйдешь, — отвечал Минька и смеялся все громче.

— А я и не знал, — удивлялся Ибрагим. — Я-то думал: вот умница Буян.

Минька понимал, что Ибрагим шутит, но ему нравилась эта веселая игра.

— Разве может Буян мусор грузить? У него же рук нет!

— А я откуда знаю? Кто помогал, тому и сказал: «Спасибо, друг».

— Друг? — переспросил Минька и вдруг перестал смеяться.

— Ну конечно друг. Мы же будем друзьями? — совершенно серьезно спросил Ибрагим и протянул руку.

— Будем, — сказал Минька. — Будем друзьями!..